

FANTASTIKA

LUKE SKULL

DEAD MAN'S
STEEL

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2018

ЛЮК СКАЛЛ

КЛИНОК МЕРТВЕЦА

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2018

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
С 42

Luke Scull
Dead Man's Steel
Copyright © Luke Scull, 2017

All rights reserved.

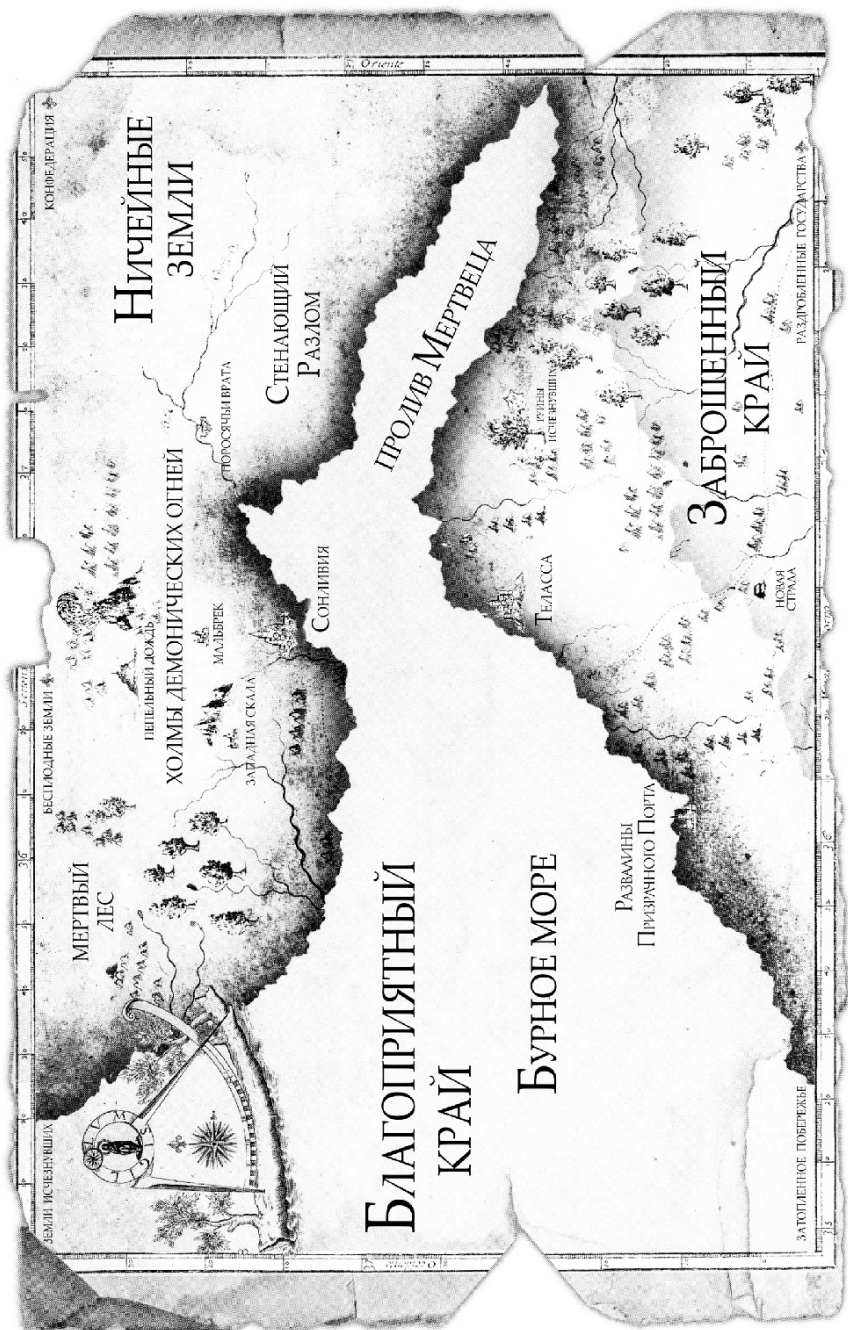
Перевод с английского Валерия Лушников

Иллюстрация на обложке Максима Никифорова

ISBN 978-5-91878-293-4

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2018

Посвящается Робу

Ничейные
Земли

Холмы Демонических Огней

Стенающий
Разлом

Против Мертвеца

Заброшенный
Край

Мертвый
Лес

Бесплодные Земли

Сонливия

Благоприятный
Край

Бурное Море

Развалины
Призрачного Портa

Затопленные Побережья

Конфедерация

Теласса

Пещерный Дождь

Мальбек

Зурляскала

Поросячьи Рата

Орешки

Раздробленные Государства

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

Ориент

СЕВЕРНЫЙ РУН

ВЫСОКИЕ КЛЫКИ

РАЗВАЛИНЫ
МАЛЬ-ТОРРАДА

РЕКА
МЕЧЕЙ

ЛИЛОВЫЕ ХОЛМЫ

ГОРОД
БАНДИТСКОГО
КОРОЛЯ

БОЛОТО

НИЧЕЙНЫЕ
ЗЕМЛИ

БЕСПЛОДНЫЕ
ЗЕМЛИ

РАЗРУБЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА

БУРНОЕ
МОРЕ

ПРОЛИВ
МЕРТВЕЦА

БЛАГОПРИЯТНЫЙ
КРАЙ

ЗИМА

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Зловещее зарево, видимое издалека, снова настигало его. Воздух с хрипом вырывался из груди. Струившаяся по лысой голове кровь пропитала спутанную бороду. В этих руинах были и другие существа — уродливые твари, которые питались человеческой плотью. Когда он наткнулся на них впервые, они пировали на трупах людей Пятибрюхого: кто вытягивал извивающиеся внутренности из прогрызенных животов, кто вычерпывал запекшуюся кровь из рассеченных грудин, чавкая, подобно зверью, которое поглощает добычу.

Когда он появился в их владениях, пожиратели плоти решили, что им повезло со свежатинкой. Визжа от жажды крови, истекая густой слюной, они помчались за ним, обитатели тьмы, годами, а то и совсем не выдавшие солнечного света.

Он оставил за спиной куски их приземистых, уродливых тел, искромсанных стальными топорами. Они быстро обнаружили, что ошиблись, увидев в нем добычу, и теперь, заметив его, разбежались. Его опасались так же, как и его преследователя. Гхолам был неудержим.

Но и он — тоже.

Словно призрак, он брел по улицам, которые веками не видали ни единой живой души. Повсюду толстым слоем лежала пыль, так что скрыть следы было невозможно, но это его не тревожило. Шедшего за ним вели не чутье и не зрение. Оторваться от такого нельзя. Вместо этого нужно зайти туда, куда тот не сумеет. Заманить в ловушку.

Или убить.

Он не съел ни крошки и не сомкнул глаз с тех пор, как забрался в развалины, каждое движение давалось с трудом, но жалости к себе он не испытывал. Дал обещание — выполняй. Он сказал, что выиграет для них время, чтобы они успели удрать, и он это сделает. Разница между мужчиной и дрянью в том, что мужчина держит слово.

Он размахисто шагал сквозь мрак, освещая путь факелом и прислушиваясь к звукам, что доносились со стороны приближавшегося гхолама. Эта игра в кошки-мышки заводила их в Маль-Торрад все глубже. Должно быть, он уже недалеко от тюрьмы. Вблизи места, где его преследователя — существо, созданное богами, — можно остановить, пусть и ненадолго.

Вокруг вздымались сооружения из темного гранита, такие же грубые и угловатые, как топоры у него за спиной. Жители подземья не были склонны к изысканным формам. Чем глубже он спускался, тем больше становились здания, огромные каменные прямоугольники с ржавыми железными дверями, которые не открывались с той поры, как королевство расколола гражданская война. Оранжевый свет его факела озарял груды золота, сверкавшие на улицах возле бесчисленных приземистых скелетов: все, что осталось от тех странных людей, которые называли подземный город домом. Это казалось ему бессмысленным, как, впрочем, и многое в мире.

Наконец он увидел то, что искал. Дворец, перед которым возвышались две огромные статуи с коронами на головах, похоже, короля и королевы подземного города. Он направился к величественному сооружению, держась под прикрытием прилегающих зданий. Его острый взгляд отмечал руны, выгравированные на их дверях, следы пламени на камнях под ногами. Здесь разводили походный костер всего лишь месяц назад. Тот, кто освободил гхолама, заходил во дворец. Вполне возможно, что тюрьма расположена внутри.

Он крался через площадь перед дворцом. Вокруг скульптурных изваяний, выстроившихся там, мелькали тени, долетавшее до него невнятное бормотание нарастало, становилось все громче и пронзительнее.

Пожиратели плоти.

Готовясь к нападению, они доводили себя до неистовства. Не обращая на них внимания, он сосредоточился на огромных, чуть приоткрытых железных воротах, которые высились перед ним.

Прислонив факел к стене, он стал протискиваться сквозь ворота. Металл впился в его плоть, но он, пренебрегая болью, втиснулся между створками и налег на них изо всех сил. Скрежеща зубами и напрягши все мускулы, он раздвинул ворота с лязгом, от которого, казалось, затряслись сами дворцовые стены.

Тяжело дыша, он усталился во тьму, лежавшую за раскрытыми воротами, и услышал за спиной быстрое скользящее движение: один из пожирателей плоти, посмелее остальных, двинулся вперед. Развернувшись, он перехватил тварь в прыжке, крепко стиснув ее горло. Светящиеся в темноте глаза пожирателя плоти полыхнули ненавистью, и существо шелкнуло громадными желтыми клыками, пытаясь дотянуться до ладони, державшей его мертвой хваткой.

Он всадил пальцы свободной руки в глазницы твари и вдавил глаза ей в мозг, а затем принялся бить головой по железным воротам, пока она не превратилась в кровавое месиво. Зарывав, он отшвырнул труп монстра на площадь, в тень изваяний, и услышал, как сородичи накинудись на него, раздирая клыками.

Снова взяв факел, он вошел во дворец.

Следы пламени на древнем, покрытом пылью ковре вели его внутрь. Он миновал тронный зал, чуть задержавшись, чтобы взглянуть на застывшую во времени сцену из прошлого. Два скелета, приземистые и коренастые, как и все остальные жители подземья, но с коронами на головах, сидели на тронах, расположенных на возвышении. У обоих из груди торчали кинжалы, давно покрытые ржавчиной. Приподняв сначала одну, а затем другую корону, чтобы взглянуть на иссохшие головы, он увидел, что некогда здесь находились мужчина и женщина. Король и королева.

Тронный зал был полон других скелетов, некоторые из них оказались столь малы, что могли принадлежать лишь детям. Значит, пакт о самоубийстве между правящими семьями. Либо безжалостный мятеж, в ходе которого не пощадили никого.

Сплюнув, он отвернулся. Иные тайны лучше оставлять нераскрытыми, вот что.

След гхолама шел еще на три этажа вниз. Он слышал, как пожиратели плоти стайей ввалились во дворец наверху, по полу зацокали их когтистые лапы.

На пятом, самом нижнем этаже он добрался до тюрьмы.

Она напоминала гигантский лабиринт. Толщина стен превосходила рост человека, они были покрыты рунами, так же как пол и потолок. Руны светились от магии, вся тюрьма словно пульсировала ею. Пробираясь по коридорам, он увидел, что определенные руны были намеренно скрыты чем-то пористым, прилипшим к камню, как смола. Оторвав кусок, он, нахмурившись, рассмотрел его черными, словно уголь, глазами.

Это оказалась кожа одного из человекоподобных пожирателей плоти, содранная с его тела. Тот, кто освободил гхолама, вывел из строя руны, державшие его взаперти, самым жутким способом.

Внезапно свет изменился, и тюрьму залило зловещее сияние. Повернувшись, он увидел своего безжалостного преследователя, который поплыл к нему навстречу, оставляя за собой обожженный камень. Своими очертаниями гхолам напоминал человека, но ничего человеческого не было в этой тени, обвитой языками адского пламени, — одно лишь обещание смерти.

Гхолам, казалось, налетел на невидимую преграду. Руны, покрывающие стены, вспыхнули ярким синим светом, и воздух наполнился шипением искр. Гхолам снова попытался рвануться вперед и опять от чего-то отскочил. Живое оружие на мгновение застыло на месте, а затем поплыло назад тем же путем, каким пришло сюда, и исчезло в другом коридоре. В поисках иного пути, чтобы добраться до своей цели. В поисках бреши в магии рун.

Он понял, что ему делать. Он заметался по коридорам, срывая на бегу кожу, закрывавшую руны, и наклеивая ее в другие места. Время от времени гхолам подбирался вплотную, но всякий раз ему удавалось открыть нужные руны и высвободить их охранную магию, в последний момент успевая спастись от смертоносного огненного объятия. Но в конце концов бежать стало некуда. Его спина уперлась в стену, гхолам оказался прямо перед ним, их разделяло едва ли шесть футов. Охранные руны не позволят созданному богами кошмару дотянуться до него, но тот заполнил собой коридор, преградив ему путь, и его не обойти.

В западне.

Он опустился на каменный пол. Больше ничего не сделать. Не такой смерти он хотел — оказаться загнанным в угол

и дожидаться кончины от жажды или голода. И тем не менее так вышло. Слово свое он сдержал. Кейн и найденыши, должно быть, уже добрались до безопасного места — если где-нибудь можно чувствовать себя в безопасности от этой жуткой твари, что торчит тут напротив.

Сидя там, он утратил счет времени. Гхолам не двигался. День ли прошел, неделя...

Он начал терять сознание, тело стало ему отказывать. Боли особой не было, но, собственно, физическая боль никогда его не страшила. Не то что боль предательства. Боль от удара в спину, нанесенного единственным человеком, которому он доверял.

Внезапно гхолам пошевелился. Развернулся и уплыл, словно решил прекратить преследование или каким-то образом нашел себе другую цель. Ни первое, ни второе не казалось ему возможным, но, как бы то ни было, ему повезло.

Он обождал несколько часов: не вернется ли гхолам. Потом с трудом поднялся на ноги, опираясь о стену. Факел давно погас, лишь от рун вокруг него исходило мягкое голубое свечение.

Прихрамывая, он поплелся назад через тюрьму, перед глазами все расплывалось, и ориентировался он с трудом. Добравшись до перекрестка, он остановился, моргая, и тут его накрыла волна дикого шума: вой, цоканье когтей, скрежет клыков. За ним пришли пожиратели плоти. Десятки, быть может, сотни этих тварей, которые сжимали в лапах грубые самодельные кинжалы из камня, заполнили проходы со всех сторон.

На мгновение он закрыл глаза. Он так устал, что с трудом стоял. Будет быстрее, если просто опуститься на пол и дать им покончить с этим. Но за ним оставалось еще одно обещание.

Его глаза резко открылись. Он извлек топоры. Приготовился.

Волк оскалил зубы.

МИЛОСЕРДНЫЕ ДЕЯНИЯ

На извилистых улочках города завывал зимний ветер, осыпая свежим снегом высокого субъекта, который грациозной походкой следовал в сторону гавани. На мгновение он остановился и отклонил назад голову, моргая черными, как обсидиан, глазами под падавшими на лицо снежинками. Они были почти невидимы на его коже цвета слоновой кости. Темно-синий плащ, означавший принадлежность к Судьям — высшим офицерам вторгшейся в город армии, развевался вокруг его стройной фигуры,

Айзек много раз ходил по этим улицам прежде, но лишь после прибытия Первой флотилии ему стало не нужно скрывать свою истинную сущность. Способность вводить в заблуждение менее развитые расы — редкое умение, которым он обладал наряду со своими сестрами, досталось по наследству от Закариана, одного из первых Пилигримов, исчезнувших в Пустоте. Продолжив путь к гавани, Айзек вознес безмолвную благодарность Пилигримам за их великую жертву. Они принесли ее, чтобы предотвратить вымирание своей расы.

«Человечество не получит подобной отсрочки», — мрачно подумал Судья. Он вспомнил о тех временах, когда земля, на которой построен этот серый город, была еще дикой пустошью. Королевство Андарр являло собой лишь горстку примитивных лачуг, когда Принц Обрахим объявил о Великом Переселении и фехды удалились на запад. Сородичи Айзека оставили расцветавшей молодой расе людей много своих знаний. Это было проявлением грандиозной щедрости, прощальным даром народу,

который унаследует континент, подвергшийся огромным изменениям после колоссальных конфликтов между старшими расами.

Через две тысячи лет люди переплыли Бескрайний Океан и разыскали своих благодетелей. Мелиссан, сестра Айзека, предложила путешественникам помощь. Она даже согласилась, чтобы двое фехдов сопровождали людей на обратном пути через океан. Адуана и Фериан жаждали узнать больше о землях, которыми некогда обладал их народ.

В приливе гнева дыхание Айзека ускорилося. Его рука опустилась к прозрачному длинному мечу на поясе — оружию острее любого выкованного человеком. Он заставил себя успокоиться, и гнев растаял, как снег, присыпавший его золотистые волосы. Такие чувства — признак менее развитых рас. Он же — фехд и — более того — Судья.

Он устремил взгляд на юг, за гавань. К затопленным развалинам Призрачного порта, где его сородичей заточили в тюрьму и пытали. Адуана и Фериан, по меркам его народа, едва вышли из детского возраста, им было всего лишь по несколько столетий. Лорд-маг Мариус подверг их невообразимо ужасному.

Даже через огромные расстояния Бескрайнего Океана Айзек и его сородичи ощутили смерть Адуаны и Фериана. Со времен Великого Переселения погибла лишь горстка нестареющих фехдов, а теперь двоих убили при самых мрачных обстоятельствах.

Два десятилетия оплакивали их сородичи. Два десятилетия горевали они, прежде чем задумались о мести.

Айзек смотрел на людей, которые съезжались от страха, когда он проходил мимо них по пути в гавань. Большинство боялось даже взглянуть в его сторону. Кто-то всхлипывал, другие отворачивались и убегали. Им почти негде было укрыться — весь путь к причалам пролегал среди сожженных дотла зданий, все жилые дома, конторы и склады артиллерия Первой флотилии превратила в почерневшие раковины из оплавленного камня. Целые районы за гаванью были уничтожены в течение нескольких дней после прибытия армии фехдов. Треть жителей города стали бездомными.

Сонливия оказалась способна лишь на жалкое подобие сопротивления. Лорд-маг города был мертв, совет, управ-

лявший им, публично уничтожили сестры Айзека. Никто из людей не мог выстоять даже против горстки обычных солдат-фехдов, не говоря уже об элите их армии — Судьях. Их мастерство владения оружием отточили века практики. Они обладали способностью так сильно воздействовать на чувства людей, что сумели бы превратить закаленных воинов в дрожащую массу. А оружие его народа далеко превосходило все, что человечество могло противопоставить для своей защиты. Среди этих недолговечных созданий Айзек и его сестры были подобны богам. Или кому-то вроде них.

Лишь увидев закутанных в лохмотья детей, которые жались к обгоревшим руинам своих домов, Айзек на короткое время почувствовал жалость. Самые старые люди казались ему недолговечными существами, а продолжительность их жизни — чьей-то жестокой шуткой, но эти дети — они уже были наполовину мертвы.

«Ты сделал выбор, — напомнил он себе. — Ты провел четыре года среди людей, оценивая их. Твой вердикт был суров, но справедлив. Не что иное, как абсолютное уничтожение. Полная зачистка континента от человека». Начиная с этого места, которое люди называли Благоприятным Краем.

Десять кораблей, составлявших Первую флотилию, заполнили гавань Сонливии. Все они — громадины из пушечной бронзы, и каждый из них превосходил размерами крупнейший боевой корабль, когда-либо построенный людьми. К тому же их приводили в движение не весла и не паруса, а огромные двигатели, которые легко пожирала пространства Бескрайнего Океана.

Сестры Айзека, Мелиссан и Нимувия, ожидали его на палубе флагманского корабля. Темно-синие плащи, означавшие принадлежность к Судьям, развевались за их спинами на шквалистом зимнем ветру.

— Брат, — приветствовала его Мелиссан. — Кажется, тебя что-то беспокоит.

Встав на носу судна, Айзек смотрел на пленников, суетившихся на палубе. Их были тут сотни, мужчин и женщин, которых он похитил и тайно ввез в город, чтобы ускорить его падение. Имплантаты в плоти пленников подавляли мысли и чувства, принуждали к абсолютному подчинению указа-

ниям, которые давали Айзек и его сестры. Они будут безропотно служить своим бессмертным хозяевам, пока не умрут.

— Правильно ли низводить их до... этого? — изрек наконец Айзек. — Пилигримы учили, что рабство — величайшее из зол. В Прежние Времена заковать человека в цепи означало превратить его в нечто не лучшее, чем животное.

Мелиссан — одного роста с Айзеком, на голову выше любого из пленников-людей на корабле — подошла к брату. Ее волосы были подобны золотым нитям, а глаза черные, как тушь. Она — его полнокровная сестра, рождена теми же родителями.

— Они *и есть* животные.

Подняв изящную руку, она нахмурилась при виде снежинки, опустившейся на ладонь.

— Они дерутся, трахаются, а потом — умирают, не оставляя после себя ничего более значимого, чем это.

Она повернула кисть, и растаявшая снежинка скатилась каплей на палубу.

— Вспомни, что они сделали, брат, — сказала Нимувия, положив руку ему на плечо.

Она была младшей из них троих, и, хотя родилась от другого отца, чем он и Мелиссан, Айзек дорожил ею больше, чем кем бы то ни было на свете.

— Что они сделали с Адуаной и Ферианом. Что сделал с соседями по Благоприятному Краю богоубийца, который правил этим городом, Салазар, в своем заблуждении, что сможет умиротворить нас.

— Они — отравы, — добавила Мелиссан негромко, но голос ее был пропитан неистовым гневом.

Оказавшиеся поблизости пленники, ощутив ее ярость, подались в стороны.

— Отравы, которую нужно вычистить с этой земли. Как может столь недолговечная раса подняться над грязью, откуда выползла?

— Они не все такие, как ты говоришь, — ответил Айзек. — Не все. Есть некоторые, достойные нашего уважения.

Он понимал, почему сестра гневается. Она все еще винила себя в смерти сородичей. В том, что сказала «да» Адуане и Фериану. То решение будет преследовать ее вечно.

Приблизив лицо к Айзеку, Мелиссан впиалась в него взглядом.

— Тебе следует избавиться от Полумага, дорогой брат. Боюсь, что привязанность к этому человеку плохо сказывается на твоей рассудительности.

Айзек ответил сестре столь же пристальным взглядом.

— Верно, он меня восхищает. Но я узнал и еще людей, которые тоже меня поразили. Воинов, преданных друг другу настолько, что они готовы умереть за товарища, как и любой из нас. Разве это не важно?

Он вспомнил Бродара Кейна и его друга Волка. Они были очень разными, но связь между ними казалась ему столь же прочной, как стальная палуба под ногами.

— Люди ничего не знают об истинной преданности, — заявила Мелиссан. — Эти существа стремятся лишь к удобствам, их мотивируют только алчность и страх. Они не испытывают таких чувств, как мы. Их «любовь» — лишь жалкое подобие нашей.

При упоминании о любви глаза Нимувии засверкали.

— У меня есть для тебя новости, брат. Вот почему мы позвали тебя сюда. Вторая флотилия выполнила свою задачу на Небесных островах. Генерал скоро прибудет. Мой суженый — в пути.

От слов Ним в душу Айзека закрался холодок, но улыбка сестры почти не оставила от него следов.

— Савериан, — произнес он.

Этот генерал считался живой легендой его народа.

Айзек вспомнил бойню на островах, где вырезали всех людей. Она была необходима. И Савериан от нее не уклонялся.

— Он приведет нас к победе, — добавил Айзек, однако его слова отчего-то прозвучали неискренне.

— Как и всегда. — Мелиссан указала на юг. — Эта «Белая Госпожа» — единственное, что отделяет нас от следующего этапа священного похода. Ее город падет, как только прибудет генерал. Когда последний лорд-маг Благоприятного Края умрет, Теласса станет нашими воротами на континент.

Айзек кивнул. Магия — единственный вопрос, на который фехды не могли дать легкий ответ. Их народ находился вне Структуры, вне плана, разработанного Создателем для этого

мира. Магия была так же чужда сородичам Айзека, как и их способности — людям.

Но у фехдов имелось столь же смертоносное оружие. Оружие, которое губило миры.

— Их ждет Расплата, — тихо сказал он.

На губах Ним заиграла гордая улыбка.

— Как и эльфов до них.

Недолгую тишину, которая последовала за ее словами, нарушили глухой стук и вопль. Один из пленников упал с мачты. Стеная, он лежал на палубе, его правая нога была явно сломана от удара. Айзек узнал человека: один из тех, кого он пленил возле города Кархейна в первый год после возвращения на эти берега. Фермер, работавший на своем поле, который и не подозревал об истинной сущности незнакомца, приближавшегося к нему по грязной старой дороге.

— Я отправлю одного из невольников, чтобы отвел его вниз, на медицинскую палубу, — сказал Айзек. — Ногу можно подлечить...

Опустив руку к бедру, Мелиссан мгновенным движением извлекла из кобуры смертоносное оружие. Раздался резкий треск выстрела, и голова раненого человека взорвалась фонтаном красных брызг. Его тело подергалось и застыло. Из развороченной шеи натекала бордовая лужа, от которой в зимнем воздухе повалил пар.

— Уберите это, — велела Мелиссан, указав на стоявших поблизости пленников дымившимся стволом.

Снова положив оружие в кобуру, висевшую на поясе, она повернулась и вперила взор в Сонливию.

— Это был акт милосердия, — отметила она. — Расплата будет не такой быстрой.

Несмотря на досаду, которую испытывал Айзек, с утверждением сестры спорить не приходилось. Когда придет генерал, людям на этих землях останутся считанные дни жизни.

С другой стороны, для фехдов так было всегда.

БОЛЕЕ ВАЖНАЯ КЛЯТВА

Как показывал опыт Бродара Кейна, мир никогда не переставал меняться. И с годами — все быстрее. Он ехал по лагерю, разбитому огромной армией Карна Кровавого Кулака к западу от стен Сердечного Камня, видел незнакомые лица сидевших вокруг костров молодых воинов, большинство которых годилось ему в сыновья, и чувствовал себя стариком из другого века.

Остановив свою кобылу, он попытался размять онемевшие ноги. Затем спешился, сапоги захрустели по замерзшей земле, при каждом выдохе в сгущавшихся сумерках изо рта вылетало плотное облачко тумана. Он уже и забыл, как морозно в Высоких Клыках в середине зимы. Забыл, как резкий холод проникает в стареющие кости и становится так трудно взбираться в седло по утрам и еще труднее — сползать с него.

Он прикрыл глаза рукой и, прищурившись, всмотрелся в падавший снег. Его зрение никуда не годилось, но ему показалось, что он разглядел впереди черную тень шатра вождя. Бродар прикинул, что ярдов, быть может, пятьдесят отделяет его от Карна Кровавого Кулака. Каких-то пятьдесят ярдов, и он окажется лицом к лицу с человеком, голову отца которого отделил от плеч много лет назад.

Вполне вероятно, что Карн Кровавый Кулак попытается сделать то же самое с Кейном, прежде чем Бродар успеет сказать хоть слово. Прежде чем сможет объяснить: он здесь для того, чтобы присоединиться к армии Западного Предела и отобрать столицу у безумного ублюдка Кразки. Вполне возможно, Кейн вот-вот очертя голову ринется навстречу собственной смерти.

Такие мысли — серьезный повод, чтобы засомневаться, снова вскарабкаться на лошадь и убраться прочь, пока кто-нибудь из тех, кто в него вглядывался, не узнал старикана, только что появившегося в лагере. Вместо этого он, поправив за спиной двуручный меч и поплотнее закутавшись в грязный плащ, устремил синие глаза вперед.

Кое-что просто приходится делать, когда выбора, по сути, нет.

Аромат баранины, которую готовили на кострах поблизости, вызвал дикое урчание в его животе. Ледяной ветер приносил и другие запахи: старой кожи, несвежего пота, едкую вонь мочи. А под всеми ними — знакомое зловоние войны, тошнотворная сладость разложившейся плоти, гноящихся застарелых ран, что зовет тень смерти.

Кейн знал о тени смерти все. Он жил в этой тени большую часть своих пятидесяти с чем-то лет. Сосредоточившись на шатре впереди, он старался не показывать своих опасений. Пройдено десять ярдов. Двадцать.

Он почти добрался. В последнюю минуту один из воинов, сидевших полукругом вокруг самого дальнего костра, повернулся что-то сказать человеку, стоявшему у него за спиной. Его взгляд упал на Кейна. На мгновение все будто застыло, и мир, казалось, затаил дыхание.

Затем глаза воина округлились, и куриное крылышко, которое он жевал, выскользнуло из пальцев и с шипением упало в огонь.

— Ты.

Это слово проскрежетало, словно меч по стали, заставив умолкнуть мужчин, сидевших вокруг. Тишина опустилась, как саван, ее нарушало лишь потрескивание костров.

Воин поднялся на ноги. Он был чуть старше своих соотечественников, высокий парень двадцати с небольшим лет, с родимым пятном винного цвета на правой щеке. В его глазах сверкала холодная ярость.

— Ты, — повторил он, на сей раз — сильным шепотом. — Ты вернулся. Какого хрена тебе возвращаться? Именно сюда!

Кейн вытянул вперед руки ладонями вверх.

— Я просто пришел поговорить. Поговорить с Карном.

С отчаянием он заметил, что теперь на них, казалось, смотрело пол-лагеря.

— После того, что ты сделал с его отцом? — Парень тяжело дышал, его ноздри раздувались. — Моего брата убили в тот день. Одного из тысяч, которых ты велел предать мечу.

Кейн поник.

— То были приказы Шамана. — Его слова прозвучали жалко.

Кто-то спросил:

— Финн, о чем речь? Что за старикашка?

Тот, кого звали Финн, шагнул вперед и сплюнул.

— Этот человек — Меч Севера. Один из самых страшных убийц в Высоких Клыках.

Он умолк на мгновение, обдумывая то, что скажет дальше, и неопровержимая истина его слов показалась Кейну кинжалом, вонзившимся в сердце.

— Он руководил бойней у Врат Похитителя четырнадцать лет назад.

— Я не хочу никаких неприятностей. Я просто хочу поговорить, — повторил Кейн.

Однако среди воинов, оказавшихся достаточно близко, чтобы расслышать его, поднялось злобное ворчание, и он понял: что бы он ни сказал, их закипающую ярость это не усмирит.

Финн сделал еще шаг вперед.

— Подайте-ка мне мой меч, — прорычал он.

Кейн слышал за спиной движение, люди поднимались со своих мест у костров и приближались к нему.

Протянув руку за плечо, он извлек свой двуручный меч — три с половиной фута стали, отливавшей алым в свете костра. Затем опустился на колени, которые заскрипели в знак протеста, и осторожно положил меч на землю.

— Не проходило ни дня, чтобы я не сожалел о том, что случилось в Красной долине, — медленно проговорил он. — Я не намерен сражаться ни с тобой, ни с кем-то еще в этом лагере. Ну, за исключением Шамана, если он где-то поблизости, но наша вражда может обождать, пока не кончится война.

Сильные пальцы вцепились в его руки и болезненно завели их за спину. Кейн не протестовал. Не пытался бороться. Он чувял зловонное дыхание воинов позади себя, ощущал жар их ярости, когда они сдавили его со всех сторон. Большинство из них были слишком молоды, чтобы сражаться во время мятежа

Таргуса Кровавого Кулака, слишком молоды, чтобы их кровь соединилась с кровью их отцов, и братьев, и дядей в огромном водоеме в тени Врат Похитителя. Бойня в Красной долине — это шрам, который еще должен зажить, покрытая коростой кровоточащая рана, по-прежнему приносящая боль тысячам сыновей Западного Предела. Особенно сейчас, когда человек, который отдал приказ Кразке и его подручным, стоит перед ними.

Финн презрительно усмехнулся, родимое пятно уродливо выделялось на его бледной щеке.

— Шаман еще нужен Карну. А вот какой-то старый выдохшийся трус — не думаю.

— Я много кем побывал, но трусом — никогда, — бросил Кейн, и тут в его памяти всплыли прощальные слова Джерека, прозвучавшие в голове будто издевкой над тем, что он заявил Финну. — Делайте что должны, — добавил он хрипло. — Но держите клинки наготове для Кразки. И для любого, кто заодно с этим мясником.

Финн врезал ему в лицо, и Кейн пошатнулся. Сплюнув кровь, мгновением позже он поперхнулся желчью после удара в живот, от которого сложился бы вдвое, если б не сжатые мертвой хваткой за спиной руки. Он попытался что-то сказать, но злобный удар по ногам лишил его опоры и едва не уложил лицом в грязь, если бы воины не удержали его за локти, и Кейн издал только хрип, а изо рта на подбородок закапала красная слюна, Финн стоял над ним. Он наконец нашел меч и направил его острие прямо в лицо Кейну.

— Король-Мясник получит то, что ему причитается, ты об этом не беспокойся. А что до тебя, то пришло время ответить за сотворенное в Красной долине, старик. Ты вернулся ради мести? Похоже, месть нашла тебя.

Финн схватил его за волосы и откинул голову Кейна назад, задев горло лезвием меча. Возможно, разъяренный воин собирался лишь выбрить его хорошенько, но взгляд Финна не оставлял сомнений, что задумал он нечто более зловещее. Сморгнув с глаз кровь, снег и пот, Кейн ждал конца.

— Придержи руку, парень.

Голос, прогремевший из палатки, был низким и властным. В свете заходившего солнца показался громадный силуэт, Кейн ощутил, как напряглись мускулы, и подавил стремление

вывернуться из рук воинов, которые его удерживали, выхватить у Финна клинок и свершить акт кровавой мести над тем, кто вышел из шатра. Когда же на того упал свет от ближайшего костра, Кейн, однако, увидел, что это не Шаман приближается к нему, хрустя сапогами по снегу.

Карн Кровавый Кулак был просто гигантом — на полголовы выше Кейна, его чудовищный лоб выступал над лицом, словно высеченным из зубчатого утеса глубочайшего ущелья Западного предела. Черные волосы, покрывавшие массивный череп лишь наполовину, Карн носил собранными в толстую косу, которая спускалась до уровня бороды, тоже заплетенной. В то время как все тело Шамана состояло из точеных мускулов, накаченных до предела, Карн был невероятно огромным от рождения.

Вождь Западного предела и предводитель армии сопротивления навис над Финном, который будто поник в его присутствии. Темные, как кремь, глаза уставились на Кейна с лица, погруженного во мрак

— Я дал клятву четырнадцать лет назад, — пророкотал он, — клятву убить человека, который лишил жизни моего отца.

— Тогда лучше не откладывай, — проскрежетал Кейн, отхаркивая кровь. — Пока еще какой-нибудь недовольный ублюдок не предъявил свои права. В этом лагере, похоже, таких полно.

Карн махнул Финну ручищей, покрытой глубокими шрамами, за которыми стояла целая история насилия, свидетельство побед в бесчисленных сражениях.

— Возвращайся к своему костру, — прогремыхал он. — Я буду говорить с Мечом Севера наедине. Любой, кто посмеет потревожить нас или поднимет оружие против него, познает мой гнев.

Глаза Финна превратились в щелочки, а челюсть задрожала от ярости, но вождя он послушаться не посмел. Кейн наконец перевел дух, когда клинок нехотя убрали от его горла. Воины, стоявшие позади, выпустили его локти, и он опрокинулся вперед, больно ткнувшись опухшим лицом в мерзлую землю. То, что еще оставалось в нем от прежнего Бродара Кейна, не позволяло ему лежать там, не позволяло сносить дальнейшее унижение — воины, которые некогда боялись его имени,

фыркали, презрительно скривив рты. Он заставил себя подняться, скрипя каждым суставом, и посмотрел на Карна.

Огромный вождь повел плечами и указал под ноги Кейну.

— Подбери свой меч, — прогремел он.

Шатер был больше, чем выглядел снаружи, и слегка попахивал плесенью. Внутри царила почти непроглядная тьма, свет исходил от единственной свечи, стоявшей на перевернутом ящике в центре. Кейн окинул взглядом импровизированный стол, не обратив внимания ни на карту в чернильных пятнах, покрытую каракулями, ни на пустую, потрескавшуюся пивную кружку. Его взгляд был прикован к палашу, который отливал оранжевым в мерцающем свете. Карн медленно подошел к столу, наклонился и поднял потрепанный щит, стоявший у походного сундука рядом с ящиком. Привязав его к запястью, он потянулся к оружию.

— Здесь? — устало спросил Кейн. — Ты хочешь разрешить это здесь?

Он все еще нетвердо стоял на ногах после недавнего избивания. Все еще, казалось, не мог сосредоточиться, получив тот, последний, удар. Тем не менее иссиня-черные руны, покрывавшие клинок по всей его длине, были ему знакомы.

— Ты узнаешь это, — сказал Карн.

Кейн уставился на оружие в руке Карна.

— Так. Меч твоего отца.

— Моего отца, — эхом отозвался Карн. — Прозванного Кровавым Кулаком за то, что переломал все суставы пальцев, убивая великана голыми руками. Это оружие подарил ему чародей из Низин незадолго до того, как он провозгласил независимость Западного предела. Говорили, когда он держал его в руках, ни один человек не мог сразиться с ним и остаться в живых. — Карн помолчал минуту, поглаживая огромную бороду пальцами толщиной с запястье большинства мужчин. — Его нашли возле тела отца в то утро, когда он вызвал тебя на дуэль. Я дал ему имя Держащий Клятву.

Кейн промолчал.

— Расскажи мне, как он умер, — прорычал Карн, и эти слова несли в себе угрозу, которая, казалось, остудила воздух в шатре.

Было время, когда разговоры о прошлых подвигах наполняли Кейна гордостью. Теперь они приносили лишь боль.

— Он умер как воин, — честно ответил он. — Добавил мне несколько шрамов. Один из труднейших боев в моей жизни.

Не самый трудный: фехтовальщик в золотых доспехах из Низин был подлинным мастером клинка.

А самым трудным оказался бой, в котором он и не рассчитывал победить, и сомневался, что хотел бы победить, в любом случае. Воспоминание о той схватке было по-прежнему столь же болезненной раной, как и каждая из его многочисленных телесных травм.

«Если я когда-либо увижу тебя снова, я тебя убью». Слова Джерека.

Его руки неожиданно задрожали, к глазам подступили слезы. Карн, должно быть, заметил это мгновение слабости. Не успел Кейн опомниться, как огромный вождь бросился на него с невообразимой для человека таких размеров скоростью. Держащий Клятву со свистом ринулся вниз и рассек пустое пространство там, где мгновением раньше была голова Кейна. Шестое чувство, которое бесчисленное число раз спасало ему жизнь, сработало и сейчас, и он, вовремя откатившись в сторону, вскочил на ноги со своим двуручным мечом, неожиданно оказавшимся в руках. Дрожь исчезла. Он был совершенно неподвижен, спокоен, как гладь озера Драгур летним утром, полным неги.

Карн Кровавый Кулак стоял лицом к лицу с Кейном, его исполинская фигура, казалось, занимала полшатра. Но он не продолжил атаку. Вместо этого — хмыкнул и слегка кивнул, а потом повернулся и направился к перевернутому ящику. Отвязал щит и прислонил его к сундуку. Затем осторожно положил Держащего Клятву рядом с картой, сел на сундук и уставился в темноту, нахмурив густые брови. Мерцающее пламя свечи отбрасывало зловещие тени на его морщинистую щеку.

— По крайней мере, ты помнишь, как сражаться.

— Это не забывается никогда, — устало ответил Кейн. — Если ты решил со мной покончить, полагаю, есть способы проще.

— Кейн, которого я знал, ни за что не сдался бы возле этого шатра моим людям с такой готовностью, — прогремел Карн. — Я должен был понять, остался ли ты тем, кем я тебя помнил.

В противном случае мне от тебя никакого толку. Никакого, если ты утратил потребность убивать.

— Я утратил ее давным-давно.

— Но не мастерство.

Кейн пожал плечами.

— Я не тот, каким был когда-то. Я стар. Мир, в конце концов, оставляет всех людей позади.

— Не только людей, — заметил Карн рассеянно. — И лордов-магов — тоже.

Подняв руку, он указал на глубокую тень, лежавшую в углу шатра.

— Взгляни на Шамана.

— Шаман здесь? — прохрипел Кейн, в горле у него внезапно пересохло.

Прищурившись, он взгляделся в темноту, подумав, что лорд-маг, возможно, наблюдал за ними в одном из своих многочисленных воплощений в животное. Но как ни напрягал он ослабевшие глаза, ему удалось разглядеть лишь смутные очертания съезжившейся на земле фигуры в плаще с капюшоном. Бродар сделал несколько шажков вперед, стиснув эфес меча побелевшими от напряжения пальцами и занеся его для удара.

Голова в капюшоне покоилась на груди. Когда Кейн приблизился, голова приподнялась. Движение было мучительно медленным, словно это простое действие требовало невероятных усилий.

— Приветствую, Меч Севера, — произнес хриплый, тоненький голосок.

Прозвучала полная противоположность голоса, так хорошо знакомого Кейну, глубокого баритона лорда-мага, которому он служил более двадцати лет. Однако нечто в этом высказывании, вызвавшем жалость, всколыхнуло старые воспоминания, и Бродар понял: это, без сомнения, Шаман.

Кейн повернулся к Карну Кровавому Кулаку с сотней вопросов на устах, но громадный вождь лишь покачал головой.

— Он слабеет день ото дня. Кразка применил какое-то адское оружие, и рана не заживает. Мы думали, он бессмертен, но все умирают.

Кейн смотрел на закутанную фигуру Шамана, лицо которого было скрыто капюшоном. Некогда он считал Шамана

богом или кем-то очень на бога похожим. Теперь он мог просто протянуть руку и переломить лорда-мага надвое. Несмотря на все его мечты о мести бывшему господину, несмотря на всю ярость, которая давала ему цель в жизни последние несколько лет, осознание этого факта выбило его из колеи.

«Мир не перестает меняться».

— Я дал клятву, — неожиданно произнес Карн. — И я собираюсь ее сдержать. Но я дал также и еще одну клятву. И сейчас я пытаюсь решить, какая из них важнее.

— А что это за вторая клятва? — тихо спросил Кейн, хотя и подумал, что знает ответ.

Исполинский кулак вождя сжался и обрушился на перевернутый ящик, служивший ему столом. Тот раскололся от удара.

— Водрузить голову Кразки на пику над стенами Сердечного Камня. Загнать демонов, наводнивших сейчас нашу землю, назад в Приграничье.

Кейн кивнул, сделал глубокий вдох. Это была возможность, которой он дожидался.

— И я тоже дал обещание, — медленно проговорил он, — и должен его сдержать или умереть, пытаясь это сделать.

Карн бросил на Кейна понимающий взгляд, темные глаза великана сверкнули.

— Твой сын еще жив. Кразка поместил его в ивовую клетку на верху Великой Резиденции как предупреждение тем, кто может попытаться встать ему поперек дороги. Король-Мясник любит зрелища... как мой народ убедился в этом четырнадцать лет назад.

Кейн поморщился. Все возвращалось к тому роковому дню.

— Я не могу изменить того, что сделано, — медленно сказал он. — Но я могу предложить свой меч в предстоящей битве. Думаю, тебе нужна любая помощь, которую можно получить.

Вождь Западного предела повернул в руках Держащего Клятву, словно искал ответ на невысказанный вопрос в рунах, выгравированных на клинке. Тишина затягивалась, напряжение было столь велико, что Кейну казалось, будто его можно потрогать рукой.

В конце концов Карн хмыкнул.

— Мы двинемся к воротам на рассвете.

Он встал и, открыв дорожный сундук, принялся что-то в нем искать.

— Битва за Сердечный Камень будет одной из самых кровавых в Высоких Клыках. Кразка командует демонами. Магия круга чародеек Сердечного Камня сильнее магии моего, ибо большинство уничтожили гвардейцы Мясника в тот день, когда пал Шаман. Быть может, такой легендарный убийца, как Меч Севера, сумеет склонить чашу весов в нашу пользу.

— Надеюсь, что смогу, — ровно произнес Кейн, хотя слова вождя отнюдь не преисполнили его чувством удовлетворения.

Он больше не хотел быть *легендарным*. Только приличным мужем и отцом, если духи дадут ему возможность.

Карн, казалось, его не услышал.

— Я сдержу клятву, — прогремел вождь.

Он извлек из сундука точильный камень и провел им по лезвию палаша, покрытого рунами; сталь издала пронзительный звук, будто толпа обреченных душ взывала к правосудию.

— А потом сдержу другую.

К тому времени, как Кейн нашел место, чтобы распаковать свою скатку с постелью и уложить ее на пронизывающе холодную землю, снег наконец перестал идти. В огромном лагере, разбитом к западу от Сердечного Камня, было около десяти тысяч человек, и он чувствовал впивавшиеся в него враждебные взгляды. Немало вновь обретенных союзников при первой же возможности с наслаждением всадили бы в Кейна клинок среди ночи, но Карн приставил к нему охрану. Присев, чтобы развести огонь, Кейн вежливо кивнул парню. Страж сплюнул, а затем, повозившись со своими штанами, облегчился, и от его желтой мочи повалил пар, когда она оросила снег.

«Жаль, что не для всех из нас это так легко», — угрюмо подумал Кейн. Его мочевой пузырь уже несколько дней был упрямее злобной медведицы, и путь из Зеленого предела оказался из-за этого адской мукой. Если бы воины, собравшиеся вокруг костров, знали, как тяжело ему просто отлить, репутация его явно бы не улучшилась. В этом заключался какой-то урок, но будь он проклят, если понимал, в чем же тот состоял.

Он посмотрел на восток. Подступы к столице скрывал ночной мрак. Когда он добрался до Королевского предела, его первым желанием было двинуться прямо к воротам Сердечного Камня и порубить всех, кто стоял между ним и сыном. Но закончилось бы это тем, что его нашпиговали бы стрелами, а преклонный возраст, не балующий особыми милостями, научил его, по крайней мере, немного сдерживать безрассудство. Настанет утро, и он выступит вместе с огромным воинством Карна Кровавого Кулака и сделает, что сможет, для освобождения города от тирана. Кажется, в последнее время он чертовски много занимается подобными вещами, но, помимо прочего, возраст научил его, что мерзкие ублюдки появляются так же быстро, как сорняки в заброшенном саду.

Как и каждую ночь, Кейн осторожно развернул нож, который сделал к четырнадцатилетию сына. Магнар сейчас нуждался в отце больше, чем когда бы то ни было. Он должен сдержать обещание. Обещание самому себе и обещание Мхайре.

Он поднес к губам серебряное обручальное кольцо, которое дала ему она. Как только сын окажется в безопасности, он помчится на юг на первой же попавшейся лошади, отыщет любимую женщину и заключит ее в объятия. Все, что стоит на его пути, — это укрепленный город, ощетилившийся вооруженными защитниками, орда демонов и одноглазый безумец, обладающий оружием, способным сразить лорда-мага. И еще — человек-гора, вождь, имеющий на него зуб, владелец волшебного клинка, командующий самой большой армией за всю историю Клыков.

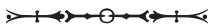
«Легче не становится».

По правде говоря, он не отказался бы сейчас от помощи друга. Но все его друзья были либо мертвы, либо больше не друзья ему. Мир изменился, и все лежало в руинах. Даже те узы, которые некогда казались ему неразрывными.

Он очнулся от сна среди ночи. Угольки в костровой яме еще тлели, и он немного подвинулся, чтобы оказаться поближе к их теплу. На мгновение ему показалось, что за ним наблюдают. Не те люди, что дремали рядом, но что-то еще. Волосы у него на руках встали дыбом.

«Нервы», — сказал он себе. Они всегда пошаливали перед боем, а ведь через несколько часов он отправится на самое

большое сражение в жизни. Закрыв глаза, он погрузился в прерывистый сон. Его не оставлял образ сына, заточенного в клетку. Призраки из пламени, теней и пепла наводняли его кошмары. Потом все исчезло, и остался лишь прежний друг, брат, который смотрел на него из черной ямы глазами, полыхавшими болью от предательства. Затем и этот обвиняющий взгляд тоже пропал, и Кейн наконец проснулся, весь в поту. В его собственных глазах блестели слезы.

БЕЗ ПРЕДЕЛОВ

Кразка зевнул, потянулся и перевернулся на кровати. Подняв руку, он лениво положил ее на тело рядом, рассеянно погладил спину любовника. Плоть была прохладной на ощупь — разительный контраст с постоянным жжением в щеке, там, куда пришелся удар кулака Шамана. Ему стал доставлять удовольствие плохо скрываемый ужас в глазах подданных, видевших дыру в его щеке и полуоторванное ухо. Он даже начал находить извращенное наслаждение в пульсирующей мучительной боли. Это напоминало ему, что он жив.

В конце концов, только мертвецы не испытывают страданий.

В комнате еще царил полумрак, единственная в королевской спальне свеча проливала лишь скудный свет в серую мглу. Кразка всегда просыпался на заре, он любил это время больше всего — безмолвное спокойствие перед тем, как солнце заливало мир огнем и шумом. Рассвет наполняли возможности, в его пьянящих объятиях мужчина мог мечтать, что в состоянии достигнуть чего угодно, быть кем угодно.

Дотянуться до звезд.

Ему часто снилась мать. Он вспоминал ее голос, когда бремя мира на его плечах становилось невыносимым, и он нуждался в ободрении, чтобы неуклонно следовать избранному пути.

Дотянуться до звезд.

Он усмехнулся и сжал рукой плечо лежавшего рядом, впился ногтями в его кожу. Конечно, старенькая мама никогда не говорила *ему* тянуться к звездам.

Единственное, что сказала шлюха, выплеснувшая его в этот мир, — несколько слов на прощание, которые произнесла, выпустив его ноги и отвернувшись.

«Я не люблю тебя. Мне жаль, я просто не люблю тебя». Жестокие слова для любого ребенка, которые не стали приятнее оттого, что в день третьих именин его сбросили головой вниз в помойную яму глубиной в два человеческих роста — без учета огромной зловонной кучи дерьма на дне.

В то время он не думал о мести. Эти мысли появились потом. Но даже тогда, едва умея ходить, не говоря уже о сломанной при падении ноге, он знал, что должен карабкаться. Продолжать тянуться вверх, если хотел выжить. Так он и делал, пока не выбрался из ямы через три дня, весь в грязи, смахивая на демона, выползшего из бездны. Тем не менее все это было в прошлом. А сейчас имеет значение только будущее, и оно принадлежит *ему*.

Дотянуться до звезд.

Он опять услышал в голове голос Герольда, и слова лорда демонов намекали, что тот забавлялся: как будто в них была некая двусмысленность, некая шутка, понятная только ему. Кразка не любил, когда над ним подшучивали, но полагал, что двадцатифутового демона с острыми, как бритва, когтями и клыками можно извинить. Если бы только Герольд поспешил назад в Сердечный Камень и вместе со своей чешуйчатой задницей притащил орду сородичей, положение города, окруженного тремя армиями, выглядело бы куда менее неприятным.

Он снова зевнул, а затем стал трясти безответное тело, лежавшее рядом, но, внезапно вспомнив кульминацию ночных развлечений, перестал.

— По зрелом размышлении, я дам тебе отдохнуть, — сказал он, скривив губы.

Он резко пихнул труп, и тот свалился с кровати. Безжизненные конечности неуклюже раскинулись вокруг тела мужчины, шея изогнулась, открыв взгляду зияющий алый разрез на горле. Мертвые глаза были полны ужаса. Кразка ухмыльнулся.

— Меня называют Король-Мясник, — пробормотал он. — Чего же ты ожидал?

Скотившись с кровати, он обошел тело, чтобы взять одежду, и с удовлетворением увидел, что она осталась не замаранной кровью, блестящей на старом деревянном полу. Он оделся, накинул на плечи большой белый плащ из шкуры убитого им горного кота и застегнулся. Тот огромный кот напал на него из засады на перевале много лет назад. Он прикончил зверя одним ножом, хотя схватка стоила ему глаза. Немного получишь у этого мира, не дав чего-нибудь взамен.

Он нацепил свой пояс с мечом и потратил минуту на то, чтобы извлечь из ножен однолезвийный клинок и полюбоваться его совершенным балансом. Демоническая сталь, или *абиссум*, так называл Герольд металл, из которого выковали оружие. Его нельзя было найти на земле, ибо, как говорил Герольд, абиссум не принадлежал миру людей. С ним Кразке не могла принести вреда никакая магия. Чародейки Карна познали это, получив тяжкий урок. И Шаман — тоже, хотя то было иное, еще более опасное оружие, которое покончило с их прежним лордом-магом.

Кразка протянул руку к другой части пояса и погладил рукоять смертоносного прибора, висевшего в кобуре. Затем, потерев тыльной стороной ладони слепой левый глаз, убрал пленку слизи, которая всегда появлялась там ночью. Большинство людей сочло бы утрату глаза серьезным ущербом, но Кразка обнаружил, что так ему проще сосредоточиться. Помогает видеть сквозь паутину из тысячи обманов, которую сплетали и мужчины, и женщины, чтобы одурачить себя верой в то, что мир — гораздо лучше, чем есть на самом деле. Что и они — лучше, чем об этом говорили их поступки, что ревность, обман и лицемерие, которые они так презирали в других, каким-то образом оправданы в их мелких извращенных личностях.

У Кразки не было времени для подобных уловок: он пользовался только правдой со всеми ее острыми гранями. А если у кого-то возникали с этим проблемы, ему стоило лишь покопаться в горах трупов, которые Король-Мясник оставил в Бергунде и у Врат Похитителя, и спросить их, почему сомневаться в его принципах могло оказаться не столь уж благоразумно.

В дверь спальни грубо постучали, и она со скрипом приоткрылась. В комнату стал протискиваться гигантский выцветший череп медведя, который оказался слишком большим и застрял между полуоткрытой дверью и рамой.

— Заклинило, — прогремел низкий голос Багхи из-под черепа.

Кразка прищурил глаз и лениво подумал, не извлечь ли меч и не избавиться ли раз и навсегда от этого неуклюжего тупицы-гвардейца. Но огромный парень из Озерного предела, по крайней мере, оказался ему верным. А верность кое-чего стоила, после того как Вулгрет и самопровозглашенный рыцарь сэр Мередит взяли да исчезли. Не говоря уже о Шранри, его старшей чародейке.

Со вздохом Кразка неспешно подошел к двери и вытащил подпорку. Дверь со стуком распахнулась, и Багха ввалился в комнату, сжимая свою нелепую булаву в лапищах размером с добрый окорок.

— Сначала — о главном, медвежьелицей, — терпеливо сказал Кразка. — Прежде чем войти в королевские покои, ты стучишь. Во-вторых, когда речь идет о дежурстве с целью недопущения тех, кто может мне навредить, носить на башке охренительно здоровенный медвежий череп, закрывающий поллица, не кажется мне проявлением проницательности.

— Я не знаю, что значит это слово, — медленно ответил Багха. — Но если ты хочешь, чтобы я его снял, то ладно, хозяин.

— Если бы любой другой человек осмелился назвать меня «хозяин» вместо «мой король», ему вырвали бы язык, — жизнерадостно сказал Кразка. — Но понимая, что у тебя дерьмо взамен мозгов, я не обращаю на это особого внимания. На тот случай, если ты забыл, я короновался как король Высоких Клыков несколько месяцев назад.

Багха снял череп, покрывавший его голову. Затем попятился и споткнулся о тело возле кровати. Раздался страшный треск: огромный горец весом четыре сотни фунтов вместе с булавой в сотню фунтов врезался в деревянную раму. Неуклюжий гигант медленно поднялся на ноги и уставился на кровать, которая тяжело покосилась на одну сторону.

— Прости, — прогремел он.

Кразка вздохнул и указал на труп:

— Я собираюсь прогуляться. Избавься от этого

Багха уставился на нагое тело. Его крошечные глазки под мохнатыми бровями сощурились.

— Что-то не так? — спросил Кразка.

— Почему на нем нет одежды?

— Почему на людях обычно не бывает одежды? В большинстве случаев потому, что они моются, трахаются или лежат в земляной дыре. Вероятно, ты мог бы помочь побыстрее справиться с этим делом, вместо того чтобы маячить тут, подобно нечестивому отродью медведицы и бревна.

Даже такие неповоротливые мозги, как у огромного гвардейца, смогли соединить фрагменты картины.

— Неправильно это, двум мужчинам лежать вместе, — прогремел он.

Кразка ухмыльнулся:

— Перед тобой человек с перерезанным горлом, из которого льется кровь, и тебя беспокоит *это*?

— Такие вещи противоречат Кодексу, — пробормотал Багха, уставившись на свои огромные ноги.

Ухмылка Кразки исчезла.

— Кодекс мертв, — проворчал он. — Сейчас — новые времена. Старые правила больше не применяются, да к тому же они никогда на вашего покорного слугу и не распространялись. Я трахаю кого хочу. На самом деле мужчина или женщина — только плоть для использования. Использовал, а затем вышвырнул.

Багха был гнусным преступником, который частенько рассказывал между делом, как убил собственную жену, но при этом разговоре он почувствовал себя не в своей тарелке.

Холод больше не беспокоил Кразку. С тех пор как он заключил сделку с Герольдом тринадцать лет назад — вскоре после бойни у Врат Похитителя, — самозванный Король-Мясник обнаружил, что более не подвержен воздействию ни суровейших зимних ночей, ни жарчайших летних дней. Наступил и прошел его сороковой год, но, шагая вдоль брустверной стенки, идущей по периметру огромного деревянного частоткола, окружавшего Сердечный Камень, Кразка чувствовал себя сильнее, чем когда-либо. Герольд сказал ему, что он сохранит энергию человека вдвое моложе до конца своей жизни: один из многих даров, пожалованных бывшему вождю Озерного предела таинственным хозяином лорда демонов, Безымянным.

Своим единственным глазом Кразка осматривал покрытые снегом холмы к западу, где встало лагерем войско Карна Кро-

вавого Кулака. После недель мелких стычек в центральной части гражданская война, раздирающая Высокие Клыки, добралась в конце концов до столицы, где и будет решена судьба страны. Вождь Западного предела и его огромная армия обрушатся на стены Сердечного Камня чудовищной волной. Кразка намеревался встретить ее в полной готовности.

Он приказал поставить на брустверной стене лучников. Они кланялись, когда он проходил мимо, но лишь немногие осмеливались встретить его взгляд. На самом деле они ненавидели правителя почти так же сильно, как и боялись, но, пока они выполняли то, что было велено, Кразку это не трогало. Результаты всегда интересовали его куда больше, чем причины. Людям нравилось логически обосновывать свои решения тысячью способами, но по его опыту, если не придавать значения «почему» и сосредоточиться только на исходе, особой разницы нет.

Вдоль западной стороны частогола с равными промежутками висели огромные железные котлы, выкованные кузнецами в Литейной. Они были подвешены над большими жаровнями на цепях, присоединенных к воротам. По приказу Кразки котлы наполняют маслом и разожгут жаровни. Затем защитники на бруствере поднимут котлы наверх и выльют кипящую черную смерть на тех, кто окажется с другой стороны. Мерзкая кончина, хотя Кразка мог придумать и похуже.

«В этом отношении я наделен благословенным даром живого воображения». Достигнув места назначения, он поднял взгляд на ивовую клетку, подвешенную на виселице над западными воротами. Он не мог претендовать на авторство в отношении этого приспособления: его изобрел Шаман. Обитатель сидел там скрючившись, постоянно сдавленный клеткой в этом положении. Еще три месяца назад крепкий молодой человек, теперь же бывший король Высоких Клыков выглядел хилым, словно стал втрое старше своих лет.

При виде этого жалкого зрелища Кразка ухмыльнулся. От внезапного порыва ветра клетка так заскрипела, что ему пришлось изрядно повысить голос, чтобы его услышали:

— Наслаждаешься новым видом? Полагаю, тебе повезет, если продержишься, пока люди Карна сюда доберутся. Зима теплее не становится. Конечно, твоему старику целый год удалось провести в такой клетке, но, думаю, он был из теста покруче, чем его сын.

— Почему? — донесся хриплый, прерывистый голос. — Что... я тебе сделал?

Кразка окинул взором пространства Королевского предела. Сразу за стенами заснеженные земли патрулировали существа, которые смахивали на больших кошек. Время от времени они исчезали из виду, а затем появлялись ярдах в двадцати от прежнего места. Мерцающие демоны были немногочисленны, но даже Собратьям не удалось бы справиться с их странными способностями. Еще дальше неподвижно застыли в ожидании противника ряды приземистых, коренастых тварей. Наименее сильные из демонов, они могли, однако, перепугать до смерти не хуже старших своих братьев, заставив обделаться и бывалого воина.

— Ты лично? — произнес наконец Кразка, когда убедился, что все в порядке. — Ничего не сделал, разве что взял принадлежавшее мне по праву.

Кразка извлек из ножен свой клинок из абиссума и осмотрел его лезвие в свете ближайшего факела.

— Это я должен был стать королем, после того как в конце концов отказало сердце Джагара. Но благосклонность Шамана к твоему папаше означала, что вместо меня корону получишь ты. Ну, твой папа, возможно, и был равен мне во владении мечом, а возможно, и нет, — думаю, мы никогда этого не узнаем, поскольку он давно уже далеко. Но он и понятия не имел о тактике на поле боя. Это я спас положение в Красной долине. Но и тут — тоже никакой благодарности.

Из клетки сверху раздался резкий звук, который мог быть сдвинутым смехом.

— Ты завидовал? Ты сделал все... *это*, потому что хотел стать королем?

Кразка сощурил глаз, и мир вокруг словно вспыхнул красным. Не успев опомниться, он направил ствол своего смертоносного оружия вверх, на клетку, но в последний миг сдержался и, прокрутив его трижды, вернул в кобуру на поясе.

— Это была не столько зависть, сколько досада, — заявил он. — Меня достали эти *привилегии*. Всякий ублюдок получает то, чего не заслуживает, потому что родился в правильном месте или его физиономия соответствует представлению о том человеке, каким его хотят видеть другие люди. Возьмем Меч Севера, твоего старика-отца. Признаюсь, у него хорошая история: единственный

выживший после нападения демона, устроившего резню в его деревне, собирается стать великим Хранителем в Приграничье. Отнюдь не лишнее и то, что он подходит для этой роли, со своими синими глазами. Людям нужны легенды, и я полагаю, он отвечал всем требованиям Шамана. Тем не менее легенды — они ведь отбрасывают тени. И я попал в его тень. Кразка Одноглазый, человек, который выполз из помойной ямы и пробился на вершину, став вождем самого большого из пределов. Кейн должен был быть героем. Я должен был быть мясником.

— Ты... хотел быть героем?

— Не-а. Я хотел быть *легендой*. У героев — отвратная привычка преждевременно умирать. Я хочу состариться и умереть счастливым, вписав свое имя в историю — причем самыми крупными буквами. Я хочу Высокие Клыки, и Низины, и земли за великим океаном, о которых иногда нашептывает Герольд. Видишь ли, нужно продолжать тянуться вверх. Если не взбираешься, то падаешь, а внизу тебя ожидает лишь смерть.

— Но... *демоны*... — Голос становился все слабее, усилия, которых потребовало это множество слов, уже изнурили пленника.

— Работашь с тем, что имеешь. Я не великий лорд-маг и не принц из Низин. Боги мертвы, и всех нас в конце ожидает тьма бесконечности. Нет смысла устанавливать себе в жизни какие-то пределы. Сентиментальность ничего не стоит. Смотри, к чему она привела твоего папу. Год проторчал в клетке, а теперь его преследуют до самого края земли, потому что он позволил семье стать помехой делу.

И тут прозвучал усталый голос:

— Для человека, который гордится своими действиями, ты много говоришь. Мальчик умирает. Оставь его.

Оргрим Вражий Молот, вождь Восточного предела и заместитель командующего армией Сердечного Камня, присоединился к Кразке на бруствере над западными воротами. Его бородатое лицо было осунувшимся, а глаза — черными, как полночь, от недостатка сна. За Оргримом шла Рана. В новой роли старшей чародейки городского круга она чувствовала себя не в своей тарелке, что отражалось на ее худощавом лице.

— Вы двое являете собой жалкое зрелище, — живо проговорил Кразка. — И ты опоздала, женщина. Я сказал — на рассвете, а не когда-тебе-на-хрен-заблагорассудится.

— Прости меня, мой король, — произнесла Рана подрагивающим голосом. — Мой племянник пропал прошлой ночью. Я его искала, но без толку.

— А-а.

Кразка впервые всмотрелся в лицо женщины. Нос был явно похож. Не говорил ли тот парень, которого он привел к себе прошлой ночью, что его тетка — чародейка? Он одарил ее широкой улыбкой.

— Будем надеяться, он вернется домой живым и невредимым. А сейчас есть другие дела, требующие нашего внимания.

Кразка запустил руку под плащ и извлек стальную трубу, которую принес Вулгрет из Северного предела. По крайней мере, так рассказал Кразке этот странный воин: многое насчет Вулгрета не сходилось.

Король-Мясник поднял подзорную трубу и приставил узкий конец к здоровому глазу. Мир впечатляюще изменился в размерах, стали видны во всех деталях скованные инеем сосны и замерзшие ручьи, блистающие в первом свете нового дня. И пересекающая полотно ослепительно белого снега темная линия армии на марше.

— Они в пути, — проворчал он.

Оргрим нахмурился.

— Ты сказал, что подкрепления будут здесь к сегодняшнему утру. Если силы Мейса подтянутся раньше, чем отряды Хротгара, то нам кранты. И армия Зеленого предела постепенно приближается.

— Люди Брэндвина лучше коз трахают, чем с мечом обращаются. — Голос Кразки был полон презрения. — Я перебил всех настоящих воинов Зеленого предела во время их мятежа четыре года назад. Ты спроси нашего мальчика.

Он кивнул в сторону ивовой клетки, где Магнар Кейн безмолвствовал, как призрак. Затем левой рукой извлек свое длинноствольное оружие, а правой — меч и развел ладони в стороны, словно готовясь обнять приближающуюся армию.

— Пусть приходят, — прорычал он. — Я сделаю гору из их трупов. Достаточно высокую, чтобы снова штурмовать небеса.

Несмотря на эту демонстрацию напускной храбрости, он чувствовал, как внутри зародилось сомнение. Он не любил неопределенности, за исключением тех случаев, когда сам погружал в это состояние других. Закрыв глаз, он мысленно

сосредоточился, пытаясь вступить в контакт с лордом демонов, как делал это последние тринадцать лет.

«Когда? — безмолвно задал вопрос он, не испытывая уверенности в том, что получит ответ. Герольд недавно стал страшно молчалив. — Я принес жертву, как ты просил. Мне нужно подкрепление. Сейчас».

«Скоро», — ответил Герольд в его голове. Это было странное ощущение, будто дюжина разных голосов шептали одновременно. Поврежденная сторона лица дико запульсировала, словно нечто пыталось проникнуть сквозь кожу. «Вернулся старый враг, и внимание Безымянного требуется в другом месте». В следующем телепатическом послании лорда демонов прозвучало порицание. Сначала оно наполнило сердце Кразки жутким страхом, но затем в нем вспыхнула жившая там жгучая ярость — его собственный внутренний демон, который заставил его вскарабкаться из выгребной ямы на трон, — и спалила страх дотла. «Эта ручная пушка в твоей руке... тебе сказали от нее избавиться».

Кразка уставился на оружие в руке — оружие, которым он сразил лорда-мага. «Ручная пушка» — так назвал его сейчас Герольд.

«Я не отвечаю ни перед кем и ни перед чем! — Он послал эту мысль с яростью, не меньшей, чем у лорда демонов. — Ни перед тобой, ни перед Безымянным, которому ты служишь! И лучше запомни мои слова. Сомневаюсь, что даже твоя чешуйчатая шкура сможет противостоять этому оружию, если до того дойдет».

Его вспышку встретила полная тишина, и он подумал, не слишком ли далеко зашел.

Какой-то резкий звук вернул внимание Короля-Мясника к окружающему, и тут он осознал, что скрипит зубами. Оргрим и Рана смотрели на него как на сумасшедшего.

— Ну? — рявкнул он. — Какого хрена вы тут вдвоем стоите? Займитесь обороной города. На Сердечный Камень вот-вот обрушится ад.

